

Александр ФУРСОВ

В ИЗБЕ

Стучит по ставням ветер,
Тоска нудит в трубе,
Осенний, хмурый вечер
Сидит в моей избе.

Сидит и хлещет брагу
Из старого ковша,
Мне очень жаль бродягу
Без крова и гроша.

По злomu в ставни стучу
Я чую наперед –
Подарит мне он скуку
И из избы уйдет.

ЛОСИХА

Выстрела почти не слышно было –
Заглушил его собачий лай,
Три шага она еще ступила
И споткнулась, словно невзначай.

А когда второй удар картечи
Повалить ее уж был готов,
Словно воин перед горной сечей
Двинулась бесстрашно на врагов.

Снег кропил кровавым многоточьем,
Гнев, что в гордом сердце бушевал,
Но последний выстрел самый точный
Поразил лосиху наповал.

И она, ломая куст рябины,
Тяжело, неловко, под уклон
Повалилась. На щеке лосиной
В инее застыл прощальный стон.

Ветер песни пел среди сосенок,
Где-то рядом город мирно спал,
А в лесу испуганный лосенок
До рассвета мать свою искал.

г. Новокузнецк

Виктор САВИНКОВ

ПАМЯТИ ВИКТОРА КОТЕНКОВА

Окончен день и выпито вино,
Стихи написаны, пора и к другу в гости,
Который не идет ко мне давно,
Он тихо отдыхает на погосте.

Друг друга в жизни не хватало нам,
В забое на двоих судьба едина.
Мы участь поделили пополам,
Мне лучшая досталась половина.

Висит над головой проклятье тьмы.
Заряжено негаданным ударом.
Лишь под землю понимаем мы,
Что шахта уголь отдает не даром.

Средь нас двоих ты самым лучшим был,
И по дороге в смертную аллею
Ты, как всегда, меня опередил,
Я, как всегда, об этом сожалею.

Печаль рыдала на похоронах,
Дымил октябрь в заснеженное небо.
Твой дед при всех военных орденах
Тянулся к гробу: «Мне туда бы, мне бы».

Средь высших проб словесного зерна,
Поверь словам и друга, и поэта,
Твоя жена тебе всю жизнь верна,
И я благодарю ее за это.

Я здесь, и я колени преклонил,
Твоею смертью душу очищаю.
Со мной, что было в шахте – все простил,
Но смерть твою я шахте не прощаю.

В наплывшей скорби поминальных дней
Я, плача, горлом горечь слез глотаю.
Перед беззвучной вечностью твоей
Стихи свои тяжелые читаю.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Сыплет с неба ближе к ночи,
Торопясь, зная, на ночлег,
Русский снег большой и сочный,
Голубой, вечерний снег.

Под метельную шарманку,
В январе среди зимы,
Буду подбирать ушанку
И примеривать пимы.

Мне по нраву холод русский
И работа мне к лицу,
Протопчу тропинку узкую
Я к знакомому крыльцу.

И в снежинки-сахаринки
Украшая шубки клеш,
Знаю, по моей тропинке
Ты, красивая, пройдешь.

Ветерок скользнет, играя,
По зеркальному по льду.
Губы милой, разгораясь,
Тают в розовом меду.

В сказке снежного набега
Дремлет зимняя краса,
Не жалейте, больше снега
подавайте, небеса!

г. Прокопьевск
19.01.2004

Нина БОБРЫШЕВА

КАЧЕЛИ

В самом деле, в самом деле
Во дворе у нас качели!
В сутки двадцать три часа
Я летаю в небеса!

Если встретиться хотите, –
На качели приходите.
Утром, ночью, среди дня
Там отыщете меня.

И, конечно, вечерами.
Я вчера сказала маме:

– В сутки двадцать три часа
Я летаю в небеса.

Кто же сделал это чудо
Здесь на улице на нашей? –
Муж соседки тети Люды,
А зовут его – дядь Пашей.

Он такой у нас чудак –
Взял и сделал просто так.
– Потому что, – говорит, –
За детей душа болит.

Спать давно идти пора,
Не иду я со двора.
С высоты кричу я маме:
– Жаль расстаться с небесами!

г. Прокопьевск

110

Иван АБИН

ДОРОЖКИ

По полу дорожки мама расстелила
Безупречно ровно, семь, как по струне.
Словно солнцем избу нашу прострелило,
Радуга по полу, блики на стене.

Пол – не пол, а сказка, – пестрый, как полянка
Дальняя, лесная, – от цветов в дыму...
Полегла природа на пол-полонянок,
Растекаясь хмелем по душе, в дому.

По полу дорожки мама расстелила –
Словно Святым духом избу осенило.
Три десятилетия с той поры минуло.
Мамины дорожки износились в прах.

Но все так же солнце светит, неминуемо-
Радужные блики те же на стенах...
Только нет уж мамы – одолела старость.
Нет уж и дорожек – память лишь осталась.

Расстелила мама по полу дорожки,
Чтоб не зябли наши маленькие ножки.

г. Прокопьевск